

Оттенки молока и меда

Мэри Робинетт Коваль

Москва

Хроники Чароплетов

Читайте в цикле
«Хроники чароплетов»:

Оттенки молока
и меда

Glamour in Glass

Оттенки молока и меда

Мэри Робинетт Коваль

Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
K56

Mary Robinette Kowal
SHADES OF MILK AND HONEY
(The Glamourist Histories Series #1)

Copyright © Mary Robinette Kowal, 2010
The right of Mary Robinette Kowal to be identified as the author
of this work has been asserted by her in accordance with the Copyright,
Designs and Patents Act 1988
First published in the US by Tor®, a registered trademark
of Tom Doherty Associates, LLC, 2010
First published in the UK by Corsair, an imprint
of Constable & Robinson Ltd., 2013

Перевод с английского
Екатерины Згурской

Иллюстрация на переплете
Таисии Шарабьевой

Коваль, Мэри Робинетт.

K56 Оттенки молока и меда / Мэри Робинетт Коваль ; [перевод с английского Е. О. Згурской]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-216116-2

Джейн Элсворт живёт в мире, где хорошо образованная девушка должна уметь не только играть на музыкальных инструментах, но и плести чары, создавая тонкое кружево иллюзий. Но несмотря на её выдающиеся способности к магии, потенциальных женихов куда больше интересует её красавица-сестра Мелоди.

Джейн привыкла жить невидимкой, но когда честь семьи оказывается поставлена под угрозу, девушке придётся приложить все усилия, чтобы спасти ситуацию... и сплести свою собственную историю любви.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Е. Згурская, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-216116-2

*Моим бабушкам
Мэри Элоиз Джексон и Робинетт Харрисон,
объяснившим мне важность двух вещей:
семьи и умения рассказывать истории.*

Глава 1

ЖАСМИН И ЖИМОЛОСТЬ

Семья Элсворт из Лонг-Паркмид пользовалась среди соседей уважением во всех отношениях. Достопочтенный¹ сэр Чарльз Элсворт, хоть и был средним сыном, благодаря щедрости своего батюшки унаследовал имение в окрестностях Дорчестера — весьма недурно обустроенное и окутанное чарами ровно в той пропорции, чтобы подчеркнуть его естественную красоту, но не переборщить с иллюзиями настолько, чтобы скатиться в дурновкусие. Единственным недостатком этого славного имуществва был лишь его майоратный² статус, и в случае смерти

¹ Достопочтенный (англ. The Right Honourable) — почетный титул, традиционно используемый определенными группами лиц в Соединенном Королевстве, Канаде и других королевствах Содружества. (Здесь и далее — *прим. ред.*)

² Майорат (от лат. *maior* — «старший») — порядок наследования имущества, при котором оно целиком переходит к старшему в роду или семье.

сэра Чарльза оно должно было отойти сыну его старшего брата. Держа в уме сей факт, достопочтенный сэр из кожи вон лез, стараясь каждый год откладывать часть своего дохода на приданое для двух дочерей.

Сумма выходила не столь большая, как хотелось бы, однако он надеялся, что и ее окажется достаточно, дабы привлечь достойных женихов. Насчет Мелоди, младшей дочери, сэр Чарльз не беспокоился: ее внешность уже сама по себе была драгоценна. А Джейн, старшая дочь, компенсировала недостаток красоты редким вкусом и талантом ко всяким женским искусствам — ее способности к чарам, музыке и рисованию не имели равных во всей округе, так что все вместе эти сокровища придавали дому Эллсвортов видимость невероятного богатства. Однако сэр Чарльз знал, как непостоянны бывают сердца молодых людей; его собственная жена в молодости была, как ему казалось, воплощением всего, что только можно пожелать, однако по мере того как ее красота меркла, супруга начинала раздражать его все больше, то и дело беспокоясь по пустякам и страдая то от одного недуга, то от другого. Он по-прежнему дорожил ею — по старой привычке, — но частенько подумывал о том, что благоверной не помешало бы побольше здравомыслия.

Таким образом, основным предметом его беспокойства являлась Джейн, и сэр Чарльз решительно намеревался устроить ее жизнь до того, как закончится его собственная. Уж конечно же, думал он, какой-нибудь юноша разглядит в ней не только землистый цвет лица и прямые волосы мышасто-бурого цвета. И нос у нее был слишком длинным, хотя сэр Чарльз воображал, будто бы при определенном освещении такой нос может послужить ярким признаком ее волевого характера.

С этой мыслью он потрогал собственный нос, сожалея о том, что не смог передать Джейн нечто лучше, чем этот флюгер.

Хлестнув тростью по траве, сэр Чарльз обернулся к старшей дочери — все это время они прогуливались

с южной стороны усадьбы по дорожкам среди кустов, образующих лабиринт в форме сердца.

— Ты слышала что-нибудь о том, что племянника леди Фитцкэмерон должны направить в наш город?

— Нет. — Джейн поправила шаль, накинутую на плечи. — Его семья наверняка будет рада его видеть.

— Безусловно. Леди Фитцкэмерон собиралась вернуться в Лондон, но, полагаю, теперь она предпочтет задержаться здесь еще на некоторое время. — Достопочтенный сэр одернул жилет и добавил как можно более будничным тоном: — Насколько мне известно, молодого Ливингстона повысили до капитана.

— В его-то возрасте? Похоже, будучи на службе во флоте его величества, он зарекомендовал себя наилучшим образом. — Джейн опустилась на колени возле розового куста, чтобы насладиться ароматом нежных розовых лепестков. Солнечный свет, отразившись от цветка, на мгновение добавил румянца ее бледным щекам.

— Я подумывал о том, что стоит пригласить семейство Фитцкэмерон собирать клубнику в следующий четверг.

Джейн расхохоталась, запрокинув голову. Смех у нее был нежный и мелодичный, ничуть не вяжущийся с суровым лицом.

— Ох, *пара*, снова пытаетесь быть сводней? Мне казалось, леди Фитцкэмерон твердо уверилась, что капитан предназначен в жены мисс Фитцкэмерон.

— Вовсе нет. — Сэр Чарльз ткнул тростью в землю. — Я пытаюсь быть хорошим соседом. Но если ты и впрямь столь невысокого мнения о Фитцкэмеронах, что презираешь даже их родственников, то, должно быть, я неверно оценил твой характер.

Глаза Джейн сверкнули, и она поцеловала отца в щеку:

— Думаю, праздник сбора клубники — это прекрасная мысль! Уверена, Фитцкэмероны будут немало благодарны тебе за такую любезность.

По обе стороны от дорожки высились тисовые изгороди, так что вряд ли кто-то сумел бы разглядеть сэра Чарльза и его дочь из окон дома. А над головами у них раскинулось нежно-голубое небо. Некоторое время мистер Элсворт с дочерью шагали в уютном молчании, и все это время в голове уважаемого сэра роились планы того, как бы свести Джейн с капитаном Ливингстоном. Наконец, в последний раз завернув за угол, они вышли из лабиринта и направились по Длинной аллее к дому.

На ступенях сэр Чарльз на мгновение остановился:

— Ты же знаешь, дорогая, что я желаю тебе только добра.

— Безусловно, *рара*. — Джейн опустила глаза.

— Вот и славно. — Он сжал ее руку. — Что ж, пойду взгляну на клубнику: хочу убедиться, что она успеет дозреть к следующей неделе. — С этими словами он оставил дочь и направился к холму, лежащему к востоку от дома, продумывая детали грядущего праздника.

Джейн стащила шаль и пристроила ее на локоть, раздумывая о том плане, который отец так неубедительно пытался скрыть. Да, он действовал из лучших побуждений, но, судя по всему, остановил свой выбор на капитане Ливингстоне, а тот, сказать по правде, был моложе Джейн на несколько лет.

С Генри Ливингстоном она впервые познакомилась до того, как началась война, — в ту пору он зимовал в имении леди Фитцкэмерон, пока его родители находились на континенте. Генри был привлекательным мальчиком с большими темными глазами и копной непослушных черных кудрей. Но, даже будучи любимчиком леди Фитцкэмерон, он не посещал ее имение с тех самых пор, и Джейн с трудом могла представить его взрослым муж-

чиной. Она покачала головой, отгоняя эти мысли, расправила складки муслинового платья и направилась в гостиную.

И буквально тут же в нос ударил удушливый запах жасмина — такой сильный, что у Джейн заслезились глаза. Источником этого сногшибательного аромата служила ее младшая сестра Мелоди — та стояла в углу, сплетая кружева чар.

— Мелоди, ради всего святого, что ты делаешь?

Та вздрогнула от неожиданности, выпуская чары из пальцев, и они мигом рассеялись, возвращаясь обратно в ту эфирную плоскость, откуда их вытащили.

— Ох, Джейн! Когда мы с матушкой навещали леди Фитцкэмерон, та сотворила столь замечательный аромат жасмина в комнате, едва уловимый. Это было так элегантно... Никак не могу понять, как она добилась такой деликатной пропорции.

Джейн покачала головой и распахнула пошире окно, чтобы жасминовые миазмы побыстрее развеялись.

— Дорогуша, леди Фитцкэмерон с детства обучалась у лучших наставников, включая, насколько я помню, знаменитого немецкого чаровника, герра Шолеса. Так что не стоит удивляться ее умению сплести тончайшие сети чар.

С этими словами Джейн перешла на чародейское зрение, и материальная комната померкла. А оставшиеся сгустки чар были слишком плотными для того эффекта, которого стремилась достичь Мелоди. Джейн поймала эфирную материю пальцами и растянула до состояния тончайшей, едва осязаемой паутинки. Затем протянула их так, что они повисли в углу, как невесомая паучья сеть. Как только она закрепила уголки эфирной материи, чары тут же проросли в атмосферу комнаты, исчезая из вида, зато каждый уголок наполнился нежным ароматом жимолости, как будто кто-то принес букет цветов. И все это потребовало столь малого количества усилий, что у Джейн даже голова почти не закружилась.

Мелоди нахмурилась и покосилась в тот угол, куда старшая сестра пристроила чары, словно пыталась разглядеть невидимую паутинку.

— Дорогая, не щурь так глаза. Это неприлично, — заметила Джейн, не обращая внимания на то, как померчнела сестрица, и снова занялась паутинкой. Уже не в первый раз она задумалась о том, не страдает ли Мелоди близорукостью: та не могла совладать ни с какой деликатной работой, даже с вышивкой, и все сотворенные ею чары отличались грубостью и плотностью.

— Какой смысл об этом переживать? — Мелоди бросилась на диван. — У меня нет ни малейшей надежды подцепить мужчину: я ведь отвратительно бездарна во всем.

Услышав такое заявление, Джейн не смогла сдержать смешка:

— Тебе нечего бояться. Будь я хоть наполовину так красива, как ты, вокруг меня вертелось бы больше ухажеров, чем могло бы привлечь даже самое большое приданое. — Она взглянула на одну из написанных ею акварелей, висящих на северной стене.

— Мистер Дюнкерк передавал привет, — сообщила Мелоди, и Джейн порадовалась, что в этот момент стояла к сестре спиной, ведь иначе нахлынувший румянец выдал бы ее с головой. Она старалась скрыть привязанность к мистеру Дюнкерку, становившуюся все крепче в ее сердце с каждым днем, отчасти и потому, что, как ей казалось, он питал куда больше симпатии к Мелоди. Однако его ласковое обращение влекло ее все больше.

— Надеюсь, он в добром здравии, — ответила Джейн, мысленно похвалив себя за то, что сумела удержать ровный тон.

— Он интересовался, нельзя ли навестить нас сегодня днем, — вздохнула Мелоди. — Вот почему мне захотелось освежить гостиную.

Тоска, слышащаяся в голосе Мелоди, могла быть уместна только в одном случае, если она уже достигла взаимопонимания с мистером Дюнкерком. Джейн обернулась, всматриваясь в ее лицо.

Тонкие черты сестрицыного личика озарял мягкий свет, и она так отрешенно смотрела куда-то вдаль, будто ее лазурные глаза слепил чей-то сияющий образ. У Джейн у самой бывало подобное выражение лица — конечно, куда менее красивого — в те моменты, когда она забывала об осмотрительности. И оставалось лишь надеяться, что Мелоди не допускает подобных промахов на людях.

— Тогда, наверное, мне стоит помочь тебе навести в гостиной порядок? — мягко улыбнулась Джейн.

— А ты не против?

— Нет, конечно.

Гостиная и без того уже была оформлена простенькой темой из пальм и цапель, призванной дополнять мебель в египетском стиле. В течение следующего часа Джейн и Мелоди занимались тем, что вытягивали из эфира нити чар, переплетая и складывая нужные узоры. Некоторые из прежних нитей в иллюзорных пальмах уже истрепались, и изображения начали терять четкость. А в иных местах Джейн придала иллюзиям дополнительную глубину, добавив легкий бриз, чтобы тот колыхал наколованную листву. И, хотя она порядочно запыхалась, а голова потихоньку начинала кружиться, конечный итог радовал глаз, так что все приложенные усилия окупались сторицей.

Расположенные парами в углах комнаты деревья как будто дотягивались до сводчатого потолка, и изящество их форм лишний раз подчеркивало его высоту. А под каждым деревом в начарованных водоемах бродили цапли, высматривая окуней сквозь собственное отражение на поверхности воды. Более простенькие вязки чародейских нитей обеспечили в гостиной теплый золотой свет ухо-

дящего египетского солнца и легкий аромат жимолости, переплетающийся с ветерком.

Закончив с обстановкой, Джейн устроилась за фортепиано, подтянула поближе еще одну эфирную ниточку и заиграла простенькое рондо. Ноты осели в чародейской плетенке; доиграв до того места, где музыкальная тема начиналась по второму кругу, Джейн убрала руки от клавиш и завязала ниточку узелком. Подхваченная чарами, музыка продолжила звучать сама по себе, замкнувшись в кольцо, и лишь коротенькая пауза отделяла конец от начала. Джейн аккуратно выцепила эту паузу и стянула концы нити потуже, чтобы музыка звучала по кругу без стыков. Затем растянула нить до состояния паутинки так, чтобы рондо звучало совсем тихо, будто бы издалека.

В этот момент дверь гостиной распахнулась, и Мелоди подскочила на ноги, мигом скроив гостеприимное лицо.

Джейн поднялась с места спокойно, стараясь держаться скромно и с достоинством. И тут же оперлась рукой на пианино: остаточная усталость после плетения чар еще давала о себе знать и голова ощутимо закружилась.

Но на пороге гостиной обнаружился всего лишь сэр Чарльз. Жилет из плюсовой¹ парчи грозил вот-вот разойтись на его внушительном животе.

— Ох ты ж, мои хорошие! — Достопочтенный сэр с неприкрытым удовольствием огляделся по сторонам. — Мы ждем гостей?

— Мистер Дюнкерк сообщил, что почтит нас своим присутствием сегодня во второй половине дня, — ответила Мелоди.

— В самом деле? — недоуменно переспросил сэр Чарльз. — Но я видел его буквально пятнадцать минут назад: он проехал через наше поле вместе с Фитцкэме-

¹ П ю с о в ы й (от французского *puce* — «блоха») — старинный модный коричневый цвет.